

— Вчера ты заперла их на чердаке, — это была первая фраза, которую Глория услышала, придя в сад.

Хотя в голосе не было и тени укора, у девочки всё же слегка сжалось сердце:

— Да... Я подумала, что не стоит быть с ними мягкосердечной.

Ведь с отцом она могла держаться без всякого страха, а вот перед господином эльфом почему-то робела.

— Ты всё сделала правильно. Проявлять жалость к врагу — значит быть жестокой к самой себе. — Голос звучал легко, в нём была утренняя свежесть и прохлада росы.

Судя по всему, настроение у него тоже было хорошим.

— Я заметила, что они не такие уж и умные, — Глория сидела на коленях перед могилой, и в глазах её светилась улыбка.

У Аделы и Ванессы тоже было чего бояться. Они тоже умели плакать, а перед гневом отца старательно сдерживали всхлипы.

Их вовсе нельзя было назвать непобедимыми — просто они умели обижать слабых и боялись сильных.

— Хоть они и потерпели неудачу, не стоит их слишком недооценивать, — Эммед слегка опустил глаза и улыбнулся. — Недооценка других — величайшее из всех табу. Даже муравей, бывает, загрызает слона.

Глория, моргая, обдумывала его слова, но всё же не удержалась и спросила:

— А что такое слон?

— Слон — это существо невероятно огромных размеров, с длинным хоботом и большими ушами. — Эммед задумался. — Он высотой с дом, больше кареты, и от одного его шага даже тигр отступает.

— О! — Девочка изумлённо ахнула и невольно обернулась в сторону далёкого дома. — Вот это да, какой огромный! Так разве он не должен быть царём джунглей?

— Он большой, но питается растениями — листьями и плодами, а не то что тигр, который так опасен, — сказал Эммед.

На самом деле и он был опасен: сила взрослого гиганта немалая — не уступает касатке.

— О... И такого большого слона тоже могут съесть муравьи? — Глория смотрела на крошечного муравья, с трудом пробиравшегося сквозь траву, и ей это казалось невообразимым.

— Да. Маленькие муравьи могут собраться в огромную массу, и даже тигр не в силах полностью очистить от них свою шкуру. — Эммед и сам когда-то не знал силы муравьёв — эти крошечные создания, которых так легко раздавить, казались слабее сардин.

Но муравей может поднять груз в сотни, а то и тысячи раз тяжелее себя — сила, которой русалке оставалось только дивиться. А когда они сбиваются в кучу, особенно легендарные муравьи-кочевники, они запросто нападают на людей, и слон вовсе не такое уж неуязвимое существо.

Муравьи загрызают слона, кит падает — и всё живое питается им.

Даже кит страдает от усоногих рачков, а после смерти его растаскивает всё сущее.

— Звучит и правда страшно... — тихо пробормотала Глория. Глядя на муравья, проползавшего перед ней, она невольно поднялась с земли и с тревогой спросила: — А он может загрызть меня?!

— Не стоит так уж бояться... — Эммед едва шевельнул пальцами, вспоминая, как сам когда-то отреагировал, узнав, что муравьи загрызают слона. Зубы его невольно скрипнули.

Страх смерти — безусловно, общая черта всего живого, а уж быть загрызенным муравьями — уже само по себе представлялось жалким концом.

В ту пору ему казалось, что любые муравьи способны запросто сожрать живого человека, и какое-то время он даже засыпал, крепко обнимая этого самого Бранда, требуя, чтобы тот закрывал ему уши — как бы эти твари не пробрались всюду.

Лишь потом он узнал, что муравьи бывают разные и обычные маленькие муравьи не станут нападать на такое крупное живое существо, как русалка.

А Бранд, этот тип, явно знал об этом с самого начала — и ничего ему не сказал!

— Те муравьи, что едят людей, отличаются от обычных маленьких муравьёв, — с большой добротой произнесла русалка. — Но и обычные маленькие муравьи могут одолеть насекомых в десятки раз крупнее себя.

— О... — Глория немного успокоилась, но всё же не решалась сесть и, придерживая подол, с

опаской спросила, моргая: — Господин эльф, вы сердитесь?

Судя по голосу, случилось что-то, из-за чего ему захотелось подвесить кого-то на дереве.

— Мм? Не на тебя. Просто вспомнились некоторые неприятные вещи из прошлого, — Эммед слегка разжал зубы.

— Разве с господином эльфом тоже случаются неприятности? — Глории стало любопытно.

— Конечно. Не всегда же всё бывает приятно, — ответил Эммед.

Вот как сейчас, например: ему ужасно хотелось укусить Бранда.

— Мм... Я принесла книгу сказок! — Девочка попыталась сменить тему, чтобы его утешить. — Истории в ней очень интересные.

— Ты принесла её ему, а не мне, — Эммед скрестил руки. Стоило ему подумать о том человеке, как кулаки невольно сжались.

— Вы сердитесь на того господина эльфа? — с любопытством и вместе с тем с пониманием спросила девочка.

В лесу на миг стало тихо. Лишь спустя некоторое время раздался голос с улыбкой:

— Нет!

Если бы только он не произнёс это, скрипя зубами.

Глория молча прижала к себе книгу и внутренне решила, что эту тему лучше не продолжать.

Потому что этот господин эльф, кажется, и правда очень сердит.

Они ведь не подерутся?

— Я не стану их недооценивать! — Глория изо всех сил попыталась снова сменить тему.

Слова её прыгали, и Эммед, приподняв бровь, с улыбкой на губах произнёс:

— Главное — не недооценивай. В следующий раз, прежде чем что-то предпринять, скажи мне

заранее. Иначе, даже если я помогу тебе дать сдачи, пощёчина всё равно придётся по твоей щеке.

Гнев в его голосе будто исчез — речь снова была такой же лёгкой и неторопливой. Но у Глории на душе стало тепло:

— На самом деле ничего страшного. Даже если получу пощёчину, я не боюсь. Раз уж я это сделала, я готова принять последствия. Это ведь не саморазрушение.

Заставить такого маленького ребёнка осуществить план — уже само по себе было выдающимся. Она всё обдумала, прежде чем действовать, и результат вышел даже лучше, чем она предполагала.

Эммед чуть прищурился и улыбнулся:

— Наверное, я слишком привык к тому, что Б... тот господин эльф всегда выходит сухим из воды.

Бранд всегда старался держать все последствия под контролем. Что бы ни случилось, он умел справиться и не ставил себя под удар.

— Я лишь хочу, чтобы ты не ввязывалась в опасные предприятия, исход которых неясен, — сказал Эммед.

— О... — Глория моргнула. — Кажется, вы с тем господином эльфом очень хорошо ладите.

Эммед едва повёл бровью и хмыкнул:

— Можно сказать и так.

Хотя у этого типа вечно полно коварства, если бы он не был достаточно умён, ему было бы трудно беспрепятственно разгуливать по человеческому миру.

— Тогда вы ведь не подерётесь? — с воодушевлением спросила девочка.

— Мм? С чего бы нам драться? — Эммед не поспевал за скачками её мыслей.

— Раньше вы, кажется, очень на него сердились, — пояснила Глория.

— Это ещё не повод для драки, — голос Эммеда слегка повысился. — Ты боишься, что я его порани?

Девочка запнулась, руки её невольно затёрлись:

— Тот господин эльф на вид такой мягкий.

Может, он совсем не умеет драться.

Эммед признал это лишь наполовину: тот тип только с виду мягкий, а на деле его ничуть не просто обидеть. Но всё же:

— Значит, ты тоже считаешь, что я сильнее?

Глория серьёзно кивнула:

— Да.

Хотя она и не совсем понимала, почему этот господин эльф, кажется, снова обрадовался.

— Не волнуйся, я не стану обижать того мягкого и кроткого господина эльфа, — рассмеялся Эммед.

Только тогда Глория успокоилась:

— Тогда можно вас попросить передать эти две книги?

— Конечно.

Беседа в лесу шла легко и приятно. А вот Сюй Юань, почувствовав лёгкое щекотание в носу, прикрылся платком и чихнул два раза — негромко.

— О, господин Бранд, вам нездоровится? — сидевший напротив торговец в тёмно-серой куртке с заботой спросил.

Богатство было для торговца всем, а сидевший напротив чужеземный купец был тем крупным клиентом, которого он вот-вот собирался заполучить.

— Возможно, я только что приехал и воздух здесь кажется сухим, — Сюй Юань сложил платок и отложил его в сторону, улыбнувшись.

— Вы из приморского города? — Альберт, подхватив его слова, будто невзначай поинтересовался.

— Да. Там, кстати, отличное место для торговли. Ваш товар наверняка будет ходовым, — улыбнулся Сюй Юань.

— Понимаю, но нужно ещё немного подождать. Мне надо пересчитать объём и только потом заключать сделку. — Альберт ничуть не сомневался в его богатстве: одного лишь самоцвета, приколотого к вороту собеседника, хватило бы, чтобы выкупить весь его товар.

— Не спешите. Мой караван прибудет сюда ещё не скоро. — Сюй Юань взял со стола кошель и подвинул его собеседнику. — Это задаток.

Кошель даже на столе выглядел набитым до отказа. Альберт, принимая его, слегка оттянул край пальцем — и, увидев блеснувшее внутри золото, невольно загорелся взглядом. Улыбка его стала ярче солнца:

— О, вы поистине честный торговец! Недаром вы сумели сколотить такое огромное состояние.

— Честность — первейшее правило торговца. В Исдале меня зовут самым честным Брандом, — рассмеялся Сюй Юань.

— Уверен, так оно и есть, — отрезал Альберт.

Задаток вручён, договор заключён. Альберт с большим удовольствием убрал всё, даже любезно проводил его до кареты и лишь потом, напевая, удалился.

Сюй Юань бросил взгляд на удаляющуюся спину из окна кареты и, опустив глаза, распорядился:

— Поехали.

— Слушаюсь, господин.

...

— Скупить всю его шерсть втридорога? — Эммед смотрел на договор. Он знал, что фабрика Азада в основном занимается переработкой шерсти. Чтобы не зависеть от других, тот и сам владел землёй — но часть сырья всё же приходилось закупать, и с ростом производства доля закупок постепенно увеличивалась. — Но почему поставка только через некоторое время?

— Потому что ему нужно сначала скупить шерсть у окрестных, по чуть более высокой цене, — Сюй Юань, подняв глаза от договора, улыбнулся смотревшему на него юноше.

— Так тебе не придётся делать это самому, — Эммед оценил изящество этого хода.

Конечно, человеку, лучше знающему этот город, сделать это было куда удобнее, чем самому Бранду.

— А что ты будешь делать с шерстью, которую скупил втридорога? — спросил Эммед.

— Продам Азаду, испытывающему нехватку сырья, вдвое дороже рыночной цены, — улыбнулся Сюй Юань.

— Так ты останешься в убытке? — Эммед приподнял бровь.

— Это дело вовсе не ради прибыли. — Сюй Юань опустил глаза и улыбнулся. — Если бы я и правда основал фабрику, это было бы слишком заметно.

Чтобы занять своё место в этом королевстве, нельзя останавливаться. Земля, наёмники, караваны, деньги, положение — всё необходимо. Как только сложится производственная цепочка, она затронет средства к существованию как минимум нескольких тысяч человек.

А вот такие краткосрочные экономические колебания не окажут на эту цепочку слишком большого влияния, но вполне сумеют сдержать Азада.

Торговец гонится за выгодой. Эта потеря ещё не научит его уму-разуму — значит, следующий шаг не будет таким мягким.

— Мм? — Эммед тихо хмыкнул, наклонился, положил руку ему на плечо и, приблизившись, спросил: — У тебя тут убыток, а есть ли прибыль?

Сюй Юань перевёл взгляд на изучающие глаза юноши и улыбнулся:

— А ты как думаешь, что я могу получить?

— Божественную силу? — Эммед поднял один палец, но не увидел перемены в золотых глазах.

— Если бы дело было в ней, мне следовало бы спасти весь мир, — рассмеялся Сюй Юань.

— Спасти одного человека — разве это не значит спасти весь мир? — возразил Эммед.

Чтобы помогать всем, надо начинать с малого — по крупицам.

Взгляд Сюй Юаня дрогнул, и в нём появилась улыбка:

— Возможно.

Он явно не хотел больше говорить, но Эммеду показалось, что он словно слегка коснулся самого сокровенного уголка его души. Бранд — добрый человек. Даже если порой он кажется немного холодным, он действительно добрый.

Божественная сила?

— Кстати, это Глория просила передать тебе книги сказок. — Эммед поднялся, взял со стола две книги — на вид старые, но аккуратные — и протянул ему.

— Спасибо. — Сюй Юань взял их и, глядя на хорошо сохранившиеся книги, улыбнулся. — Видно, она их очень бережёт.

Хотя он ещё не открыл их, он почти не сомневался: это наверняка две самые любимые книги Глории.

— Это добрый и послушный ребёнок, — уголки губ Эммеда приподнялись.

— Почему ты так говоришь? — Сюй Юань поднял глаза.

— Когда я забирал книги, ей было очень любопытно. Но я сказал, чтобы она не оборачивалась, — и она действительно не обернулась, — похвалил Эммед.

— Она и правда хороший ребёнок, — улыбнулся Сюй Юань.

Если бы она могла родиться в мирное время, в семье, где родители любят друг друга и любят её, — это было бы, несомненно, счастьем. Любовь сама по себе даёт человеку достаточно смелости, чтобы встречать многое, и той трусости, что рождается из утраты любви и притеснений, не было бы места. Но, увы, мир не всегда идёт навстречу нашим желаниям.

Конечно, это не мешает ей оставаться хорошим ребёнком — с множеством прекрасных, устремлённых к свету качеств.

— Кстати, вспомнил одну вещь. — Взгляд Эммеда дрогнул; скрестив руки, он искоса посмотрел на него.

— Думаю, эта вещь, возможно, связана со мной, — Сюй Юань, встретив изучающий взгляд юноши, улыбнулся.

Эммед стиснул зубы и, улыбнувшись, кивнул:

— Ответ верный. Угадай ещё.

— Дай подсказку, — Сюй Юань посмотрел на юношу с улыбкой, не доходившей до глаз.

— Я сказал Глории, чтобы она из-за одной удачи не недооценивала своих сестёр, — уголки губ Эммеда приподнялись.

Сюй Юань подпёр подбородок рукой и задумчиво произнёс:

— Дай подумать.

«Хозяин, ты чем-то прогневал красавца?» — кошка лежала у края стола, любопытствуя.

«Я когда-то напугал его муравьями», — ответил Сюй Юань.

Кошка наострила уши и поразилась:

«Ты тогда нарочно пугал красавца муравьями?!»

«Не то чтобы нарочно. Просто его реакция была довольно милой», — ответил Сюй Юань.

Он явно боялся, но изо всех сил делал вид, что не боится. Был упрямее утконоса. Всегда носил с собой средство от насекомых, добавлял его и в воду при купании. А по ночам прижимался к нему куда крепче обычного, всё время следя, как бы тело не коснулось изголовья или стены — вдруг там притаился муравей и укусит.

Кошка замолчала. Взглянув на выражение лица красавца, она легонько спрыгнула со стула на пол и той же лёгкой походкой юркнула за дверь.

Дела семейные — кошке не место.

Свеча горела тепло, и даже голос, казалось, звучал с нежностью:

— Умный господин Бранд, наверное, уже догадался?

— На самом деле я просто подумал, что твоя реакция была довольно милой.

— Думаешь, если похвалишь меня, я это так и оставлю? — Если бы у русалки был хвост, он сейчас наверняка хлопал бы по поверхности воды.

— Я признаю вину. Наказывай как хочешь, — рассмеялся тот, кто, зная, что его раскрыли, и не думал отпираться.

— Правда?! — Голос русалки взлетел.

— Правда, — с полной готовностью признать ошибку.

— Тогда чего ты боишься? — Русалка считала себя очень справедливой.

— Дай подумать... Призраки.

— Что это?

— Это духи, в которых превращаются люди, погибшие несправедливой смертью. Ты слышал о кораблях-призраках в море? Они всегда появляются туманными ночами, весь корпус охвачен зелёным призрачным огнём. Те, кто с ними столкнётся, тихо попадают внутрь, а потом...

— А потом что? — с серьёзностью спросила русалка.

— Мне немного страшно. Можно я буду рассказывать, обнимая тебя? — попросил тот, кто говорил с такой нежностью.

Послышался шорох одежды, и разговор в комнате стал тише:

— А потом они теряют направление. Куда бы ни пошли, всё возвращаются на прежнее место.

— Лабиринт?

— Говорят, некоторые стены — это и есть те самые призраки...

Кошка за окном молча свернулась клубком и через стекло наблюдала за русалкой, которую хозяин держал в объятиях. Она думала, что смелость — это, видимо, всё-таки понятие относительное: красавец испугался — и она совсем не...

Что-то чёрное с шорохом посыпалось с карниза. Кошка, вся ошетинившись, мгновенно исчезла с места и вернулась в системное пространство, так и не разглядев лист, медленно падавший в пятно света.

— Какой от них вред? — разговор в комнате продолжался.

— Говорят, если пройти сквозь такие стены, на самом деле пройдёшь сквозь их тела. Они вытянут жизненную силу — или вселятся напрямую.

— Снадобьями можно от них избавиться?

— Нет.

—!

—...Ты ведь не нарочно меня пугаешь?

—...

— Когда ты раньше пугал меня людьми, у тебя, кажется, тоже было такое выражение лица. — Русалка тихо скрипнула зубами. — Бранд!

— Мне нечего бояться. — В голосе со смешком слышалась мольба и беспомощность. — Единственное, чего я боюсь, — это что ты рассердишься.

— Эй!

— Не сердись, не сердись. Просто мне кажется, что ты, когда боишься и упираешься, такой милый. — Ласковые слова, сказанные в самое ухо, всегда гасят вспышку гнева особенно быстро. — На самом деле я и сам поначалу не понял, что ты боишься муравьёв.

— Кто упирается?

— Я упираюсь. — Легкое прикосновение лба друг к другу — и Эммед окончательно потерял всякий гнев.

Хотя ему всё ещё хотелось хлопнуть хвостом!

...

Зажиточные семьи всегда не скупились на свечи по ночам. Только в одном месте было тепло и сладко, а в другом — холодно, как лёд.

Именно так было за столом в доме Глории. Лицо хозяина дома с самого порога не озарилось ни

тенью улыбки. Даже всегда мягкая Грейс не смела ничего лишнего сказать или сделать, а Адела и Ванесса были куда послушнее и тише обычного.

И не только из-за гнетущей атмосферы за столом — но и потому, что вчера, после чердака, когда они жаловались, отец отчитал их без всякой пощады.

Адела и Ванесса никогда не встречали такого ледяного взгляда. От него у них пропадал даже плач. Стоило вспомнить тогдашний холод и нетерпение — и сердце начинали сотрясать мелкие судороги. Оттого даже приветствие их звучало формально.

Давление за столом всё падало. Никто не говорил. Глория тоже молча ела то, что лежало на её тарелке, стараясь не издавать ни звука.

Потому что она чувствовала: сегодня настроение отца не лучше, чем вчера. А когда у него не хватало терпения, ему было всё равно, где правда, — важно лишь, кто его раздражает. И этот гнев без колебаний обрушивался на того, кто под руку попадётся.

Мачеха и две её сестры явно были умны. Глория всё больше убеждалась, что господин эльф прав: нельзя никого недооценивать. Даже если они кажутся не такими уж сильными, они отлично умеют приспосабливаться и избегать зла.

— Глория, что ты делала сегодня? — Отец всё же заговорил, хотя в голосе не было особых перепадов настроения.

— Папа, я сегодня ходила на кухню смотреть, как готовят яблочный пирог. Когда научусь, сначала испеку его тебе, хорошо? — Глория чуть сжала левой рукой тарелку и, подняв голову, улыбнулась.

Встретив этот изучающий взгляд, она внутренне задрожала, но изо всех сил уговаривала себя не бояться. Он всего лишь бумажный тигр — способен лишь отчитать, самое большее — разбить тарелку.

Но если он её ударит, господин эльф... Нет, на самом деле она не хотела, чтобы господин эльф вступал с отцом в открытое столкновение.

Хотя он и говорил, что справится, ей не хотелось, чтобы пострадала любая из сторон.

Поэтому лучше не злить его.

— Ты считаешь, что я хорошо к тебе отношусь? — Выражение лица Азада не изменилось от этой улыбки. Он спросил со сложным выражением лица.

Глория на миг замялась, но, встретив этот изучающий взгляд, сказала:

— Конечно. Папа хорошо ко мне относится — вырастил меня.

Её еда, одежда, всё необходимое исходили от отца, и она должна быть благодарна. Но всё это было с условием: стоило ей перестать быть достаточно послушной — и всё это могли отнять.

Она была не в большей безопасности, чем Грейс и её дочери.

— Хорошо, что понимаешь. Ешь. — Азад отвёл взгляд и посмотрел на тихо едущую дочь, но ком в груди не рассеялся.

Он считал, что ничем не провинился перед Глорией. Но на фабрике всё же возникли проблемы с поставками сырья. Договор, который вот-вот должен был быть подписан, — а поставщик вдруг изменил слово и попросил отсрочки на несколько дней. Явно что-то произошло.

Проблема лишь в сырье — можно найти другого поставщика. Но Азад не мог не вспомнить слова, раз за разом звучавшие у него в ушах во сне.

От этого у него возникало ощущение, будто его принуждают. Но он всё ещё сомневался. Если удастся благополучно пережить эту бурю — значит, это была всего лишь угроза. А если он и правда понесёт убытки — к тому сну придётся отнестись куда серьезнее.

Но даже сама Глория не чувствовала, что к ней относятся плохо. Значит, всё должно быть в порядке.

— Завтра отец поедет на рынок. Хотите каких-нибудь подарков? — Азад подавил в себе эти неясные догадки и спросил.

Выражение его лица, кажется, немного смягчилось, и атмосфера за столом будто чуть ослабла.

<http://bllate.org/book/18299/2272813>